

О безграничной любви Симины, главы ордена Даохуа, к своему младшему ученику, которого тот когда-то привел из мира смертных, в обители знали все.

Старейшина Уцзинь не раз пытался урезонить его:

— Симин, в конце концов, это всего лишь ученик. Не стоит отдавать ему всю душу.

На что тот неизменно отвечал:

— Если я не буду заботиться о нем сам, то как исполню долг шицзуня?

Симин принес в орден сокровище — драгоценный, пока еще неограниченный нефрит. Остальные видели в мальчишке лишь простой булыжник, но ему было все равно. Пусть думают что хотят.

В конце концов, каков его Шо-эр, судить не чужакам. Его судьбу должен определять только он — его шицзунь.

Когда он подобрал Шо-эра, мальчику было уже десять лет, хотя на вид едва ли можно было дать восемь. Слишком долго тот побирался, ютась в заброшенном храме и перебиваясь жалкими обедками.

Симин слишком много лет провел в бесстрастии, избрав путь безжалостности. Он давно забыл, что такое жалость или душевная боль. Он знал лишь одно: раз он привел этого ребенка, то теперь полностью за него в ответе.

Шо-эр обожал сладости, а потом по ночам тихо плакал под одеялом от зубной боли. И он — великий глава Безжалостной обители, всемогущий шицзунь — оказывался совершенно беспомощен. Ему оставалось лишь баюкать на руках своего маленького ученика, еще даже не открывшего духовные каналы, и тихо убаюкивать его, унимая слезы. Ночь за ночью.

Да и как иначе? Запретить мальчику даже притрагиваться к сладостям? Смотреть, как эти преданные, по-детски обиженные глаза наполняются слезами?

Сердце его смягчалось, и он мог лишь обреченно вздыхать.

Шо-эр рос, хорошея с каждым днем. Жалкий маленький оборванец превратился в статного, вольного духом юношу.

Стоило Шо-эру увлечься фехтованием, как Симин преподнес ему драгоценный Меч Сокровенного Света. А когда юноша полюбил Сун Ваньчэня с пика Вечной Разлуки, его шицзунь без раздумий сам отправился просить руки бессмертного мечника.

Пусть шепчутся за спиной — раз его Шо-эр счастлив, значит, все правильно.

Небывалая, слепая привязанность, которой не устаивался ни один другой ученик, порой пугала его самого. Он не раз ловил себя на тревожной мысли: не обернется ли эта нежность пагубным наваждением?

Единственным жестким решением Симина за все годы было заставить возмужавшего Шо-эра покинуть Дворец Чистой Ночи и поселиться отдельно.

Однако глухими ночами, когда вокруг воцарялась тишина, он подолгу сидел в одиночестве, безучастно вглядываясь в пугающую пустоту покоев.

Без Шо-эра во дворце стихли голоса, ушел веселый дебош.

Но казалось, будто уходя, ученик забрал с собой половину его собственной души.

Память то и дело возвращала его к тому морозному, метельному дню, когда они встретились впервые.

В ту пору он просто странствовал в мире смертных и вовсе не помышлял о преемниках. Лишь ненастье заставило его заночевать в заброшенном храме на отшибе, где ютились двое маленьких попрошайек.

Одним из них был Шо-эр, вторым — оборвыш по фамилии Бай. Как его звали, Симин давно позабыл.

Взгляд Шо-эра был колючим и диким — так смотрит загнанный волчонок, готовый в любой миг вцепиться в глотку. Симин собирался продолжить путь, но именно эти глаза заставили его остаться на ночь.

Тогда мальчишка свирепо выпалил ему в лицо:

— Слышишь? Тебе нельзя уходить!

Забавно вспомнить: великий глава великого ордена уступил ребяческой угрозе маленькой бродяжки.

Должно быть, уже в тот миг в его душе что-то шевельнулось. Словно сама судьба предопределила их неразрывную связь наставника и ученика.

Когда буря утихла, мальчик по фамилии Бай тайком принес ему черствый маньтоу — судя по всему, их последнюю еду. Кроха оказался на редкость жалостливым, да и кости у него были отличные — прирожденный заклинатель.

Симин видел, как Шо-эр сперва сердито отругал приятеля за безрассудство, но тут же разломил свой мантоу пополам и сунул ему половину. Грозный, колючий, он в этот миг походил на оцетинившегося щенка, который злится, но все равно виляет хвостом.

На него невозможно было смотреть без улыбки.

Симин нарочно сказал, что может взять с собой лишь одного, желая посмотреть, как они поступят.

Однако исход этой невинной забавы застал его врасплох.

Мальчишка по фамилии Бай исчез. Из снежной круговерти к нему вышел один лишь Шо-эр — босой, замерзший, с покрасневшим от холода носом. Мальчик горько плакал и упрямо брел следом, умоляя спасти друга, сорвавшегося с утеса.

Симин отрезал, что у каждого своя судьба и вмешиваться он не станет. Но Шо-эр пропустил эти слова мимо ушей и упрямо, шатаясь от ветра, брел следом.

Симин делал десять шагов — и Шо-эр ступал следом своими израненными босыми ножками. Симин шел не оборачиваясь, а ребенок не отставал. Он трясся от озноба, давно перестал чувствовать отмороженные ступни, но все равно упрямо полз вперед, стирая колени о ледяную корку.

Симин молчал, уверенный, что упрямец вот-вот испугается и повернет назад. Но эти крошечные, багровые от мороза пальцы мертвой хваткой вцепились в его подол. И так и не разжались.

В конце концов великий мастер признал поражение.

Симин уступил — запечатал горькую память ребенка и унес его в Безжалостную обитель, чтобы вырастить в холе и довольстве.

Он хотел, чтобы призраки прошлого больше не тянули к его ученику свои цепкие лапы. Пусть Шо-эр навсегда забудет и нищее детство, и замерзшего насмерть названного брата.

Пусть просто живет безмятежно, зная, что он — самое оберегаемое сокровище своего шицзуня.

Ему позволялось капризничать, потакать любым глупым прихотям, дуться по пустякам и безнаказанно проказничать.

И пусть другие ворчали, находя характер юноши несносным, для Симина любая шалость Шо-эра была верхом очарования.

Пока в груди его теплится жизнь, он сделает все, чтобы этот неограниченный самородок со временем засиял во всем своем истинном великолепии.

Но столь глубокая привязанность оказалась непосильной ношей для того, кто давным-давно отрекся от любых чувств.

Она пустила глубокие корни в его сердце и теперь, когда близился час Преодоления Скорбей, породила в его душе опасное наваждение.

Ему требовалось немедленно уйти в уединение, иначе остаток дней превратился бы в вечную, изнурительную борьбу с собственным разумом.

Перед тем как закрыть за собой ворота пещеры, Симин выковал Меч Сокровенного Света и вдохнул в лезвие частицу собственной души.

Он пошел на это лишь для того, чтобы никто не посмел обидеть его мальчика, пока самого Симины не будет рядом.

Только уберегши ученика от всех возможных бед, Симин со спокойным сердцем передал дела Безжалостной обители старейшине Уцзиню.

Он уповал на то, что, прервав затворничество, выйдет из пещеры очищенным от пагубной страсти.

Он надеялся, что в ордене за это время воцарится благополучие, а его Шо-эр пребудет в совершенном покое.

И больше всего на свете он ждал мига, когда после долгих лет одиночества вновь увидит своего единственного, драгоценного ученика.

Своего Шо-эра.

<http://bllate.org/book/20094/1998485>